

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2025.7961

EDN: BUHNJY

Сперанский или Карамзин: дилемма в романе Достоевского «Бесы»

Е. М. Кудрявцева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: lkandk68@gmail.com

Аннотация. Для Ф. М. Достоевского имя Н. М. Карамзина было связано, как известно, с воспоминаниями детства. После знакомства в 1862 г. с «Запиской о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» имя историографа ассоциировалось со славянофильскими идеями об объединении «земель русских». Фигуры придворного историографа Н. М. Карамзина и государственного деятеля М. М. Сперанского заняли особое место в размышлениях Ф. М. Достоевского о духовном и историческом пути России. На Сперанского Достоевский обратил внимание в 1861 г. благодаря книге М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» и рецензии на нее М. И. Владиславлева, заказанной М. М. Достоевским и опубликованной во «Времени». Имена Сперанского и Карамзина единственный раз оказались рядом в июньской записи 1870 г. в подготовительных материалах к роману «Бесы»: «Кто: Сперанский или Карамзин?». Черновая запись свидетельствует, что в сознании романиста позиции этих исторических деятелей были соотнесены с содержанием полемики славянофилов и западников в качестве диаметрально противоположных и идеологизировались: имена Сперанский и Карамзин знаменовали мысль о двух возможных путях в дальнейшем развитии России. Если славянофилы («консерваторы»), с точки зрения Достоевского, утверждая допетровский идеал, являлись лишь отвлеченными мечтателями, то западники («нигилисты») продолжали дело Петра I — разрушение традиционных основ. «Мечтательность» славянофилов преодолевалась у Достоевского карамзинской мыслью о диалектической связи старого и нового. Размышления романиста претворятся в известной формуле о всемирности, всечеловечности, всепонимании и всеотклике. Этими качествами, по мнению Достоевского, обладал А. С. Пушкин.

Ключевые слова: Достоевский, Карамзин, Сперанский, Пушкин, Бесы, консерватизм, нигилизм, славянофильство, западничество, почвенничество, историософия

Для цитирования: Кудрявцева Е. М. Сперанский или Карамзин: дилемма в романе Достоевского «Бесы» // *Неизвестный Достоевский*. 2025. Т. 12. № 2. С. 71–87. DOI: 10.15393/j10.art.2025.7961. EDN: BUHNJY

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2025.7961

EDN: BUHNJY

Speransky or Karamzin: the Dilemma in Dostoevsky's Novel "Demons"

Elena M. Kudryavtseva

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: lkandk68@gmail.com

Abstract. F. M. Dostoevsky associated the name of N. M. Karamzin with his childhood memories. In 1862, after Dostoevsky discovered the "Note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations," he connected the historiographer's name with Slavophile ideas about the unification of the "Russian lands." The figures of the court historiographer N. M. Karamzin and the statesman M. M. Speransky occupied a special place in F. M. Dostoevsky's reflections on the spiritual and historical path of Russia. Dostoevsky heeded attention to Speransky in 1861 owing to the M. A. Korf's book "The Life of Count Speransky." M. M. Dostoevsky commissioned its review by M. I. Vladislavlev and the journal "Vremya" published it. The names of Speransky and Karamzin appeared together only once — in a June 1870 entry in the preparatory materials for the novel *The Demons*: "Who: Speransky or Karamzin?" The rough draft demonstrates that in the novelist's mind considered the positions of these historical figures ideologized and diametrically opposed, similarly to the polemics between Westernizers and Slavophiles, respectively: the names of Karamzin and Speransky signified the idea of two possible paths of Russia's subsequent development. While from Dostoevsky's point of view the Slavophiles ("conservatives") affirmed the pre-Petrine ideal and were merely abstract dreamers, the Westernizers ("nihilists") continued the work of Peter the Great, i.e., the destruction of traditional foundations. According to Dostoevsky, the "dreamy" nature of the Slavophiles was overpowered by virtue of Karamzin's idea of the dialectical connection between the old and the new. The well-known formula about universality, all-humanity, all-understanding and all-response embodies the novelist's reflections. According to Dostoevsky, A. S. Pushkin possessed these qualities.

Keywords: Dostoevsky, Karamzin, Speransky, Pushkin, *Demons*, conservatism, nihilism, Slavophilism, Westernism, *pochvennichestvo*, historiosophy

For citation: Kudryavtseva E. M. Speransky or Karamzin: the Dilemma in Dostoevsky's Novel "Demons". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2025, vol. 12, no. 2, pp. 71–87. DOI: 10.15393/j10.art.2025.7961. EDN: BUHNJY (In Russ.)

Как известно, произведения Карамзина вошли в круг чтения Достоевского в раннем детстве. По свидетельству А. М. Достоевского, младшего брата писателя, в семье любили читать «Письма русского путешественника» (1791–1792, книжн. изд. 1797), «Бедную Лизу» (1791, опубл. 1792), «Марфу Посадницу, или Покорение Новгорода» (1802, опубл. 1803); отдельные сцены из «Истории государства Российского» (опубл. 1818–1829), бывшей в домашней библиотеке, Достоевский знал наизусть [Достоевский А. М.: 70].

Тема «Достоевский и Карамзин» неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных достоевсковедов. Впервые связь творчества Достоевского с наследием Карамзина отметил А. С. Долинин, комментируя письмо к Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г. (см.: [Д30; т. 29, кн. 1: 153]): «Признания Достоевского: "такова была моя юность и я возрос на Карамзине" очень ценны не только в биографическом отношении: струя сентиментализма проходит через все его творчество вплоть до "Братьев Карамазовых"» [Долинин: 493].

Исследователи указывали на связь романов «Бедные люди» и «Идиот», а также «Зимних заметок о летних впечатлениях» с «Письмами русского путешественника» Карамзина (см.: [Жилякова], [Померанцев], [Arndt: 91], [Новикова], [Соловьев], [Алпатова]). В. А. Туниманов, А. В. Архипова, А. В. Чичерин, К. Г. Исупов подчеркивали значение «Истории государства Российского» Карамзина для «великого пятикнижия» Достоевского (см.: [Туниманов], [Архипова, 1983], [Чичерин], [Исупов]). По мнению Ю. А. Поповой и Д. П. Ивинского, важным аспектом является ориентация Достоевского на публицистику Карамзина при работе над романом «Идиот» и «Дневником писателя» (см.: [Попова], [Ивинский]).

Мысль о том, что Достоевский «возрос на Карамзине», стала «общим местом» в исследовательской литературе, найдя отражение и в академическом комментарии: «Н. М. Карамзин был любимым писателем родителей Достоевского и его самого в детские годы» [Д30; т. 24: 470].

Вместе с тем отмечалось скептическое отношение Достоевского к повестям «Марфа Посадница» (1803) и «Фрол Силин, благодетельный человек» (1791):

«...Достоевский относился к изображению народа в повестях Карамзина критически, видя в авторе одного из родоначальников сентиментально-мечтательного народолюбия славянофилов 1850–1860-х гг. В статье "Книжность и грамотность" (1861; <...>) он призывал "не судить" о душе "народа по карамзинским повестям и по фарфоровым пейзажикам". Здесь Достоевский иронически упоминал о "Фроле Силине" как о примере искаженного представления о русском крестьянине» [Д35; т. 3: 598].

По словам В. А. Туниманова, «произведения Карамзина и "карамзинский слог" начиная с 1840-х гг. становятся» в творчестве Достоевского «объектом полемики и пародирования», при этом «"карамзинский слог" станет и своеобразным средством автохарактеристики — стилистической и эстетической — таких героев, как Фома Опискин, капитан Лебядкин и его предшественник из неосуществленного замысла писателя — Картузов». Вместе с тем, как подчеркнул исследователь, «в 1840-е гг., и позднее Достоевский оставался неизменным почитателем "Истории", в которой его привлекали вовсе не благонамеренные идеи "придворного историографа", а трагическая и жесткая живопись последних томов» [Туниманов: 166; см. также: 172–173].

В осмыслении исторического наследия Карамзина наибольший интерес вызывает запись Достоевского, сделанная в июне 1870 г. В ней в первый и единственный раз в творчестве писателя имя Карамзина оказывается рядом с именем М. М. Сперанского (1772–1839), государственного и общественного деятеля времени царствования Александра I и Николая I. Сперанский был реформатором, законотворцем, безусловно одной из ключевых фигур в российской государственной политике первой половины XIX столетия.

Имя Сперанского прочно ассоциировалось с началом правления Александра I и оказывалось, таким образом, рядом с именем Карамзина. По определению историка В. О. Ключевского, «Сперанский был лучшим, даровитейшим представителем старого, духовно-академического образования. По характеру этого образования *он был идеолог*, как тогда говорили, или *теоретик*, как называли бы его в настоящее время. Ум его вырос в упорной работе над отвлеченными понятиями и привык *с пренебрежением относиться к простым житейским явлениям* <...>. *Это был Вольтер в православно-богословской оболочке.* <...> ...Сперанский стал воплощенной системой, но именно это *усиленное развитие отвлеченного мышления* составляло важный недостаток в его практической деятельности. <...> Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он *взглянул на наше отечество как на большую грифельную доску*, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения» (курсив мой. — Е. К.) [Ключевский: 199–200].

Сперанского, таким образом, воспринимали как отвлеченного начинателя либеральных преобразований в обществе (включая разработку идеи конституционной монархии [ДЗ0; т. 20: 305]), в отличие от Карамзина, имевшего репутацию консерватора и традиционалиста. В. Д. Спасович, характеризуя мировоззрение поэта П. А. Вяземского, отмечал: «Карамзин дорог Вяземскому потому, что, в противность Шишкову и его староверам, и мыслившим, и писавшим двуперстно, он был в языке *новатор*, а в историческом и государственном отношении консерватор. <...> Несколько томов *Истории* написаны Карамзиным у самого Петра Андреевича в гостях, в его подмосковном Остафьеве» [Спасович: 57–58].

Эти два имени — Сперанского и Карамзина — как смысловое целое могли возникнуть в размышлениях писателя впервые в 1861 г. благодаря изданию книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского»¹. В этом же году в журнале «Время» вышла рецензия М. И. Владиславлева «Жизнь графа Сперанского. Два тома. Изд. императорской публичной библиотеки. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861 г.» (Время. 1861. № 12). Эта статья была заказана Владиславлеву старшим братом писателя М. М. Достоевским.

Известны два письма М. М. Достоевского по поводу будущей статьи о Сперанском (см. об этом: [Алексеева: 98–99]). В первом — от 30 октября 1861 г. — говорится:

«Если будете писать о Сперанскомъ, то пишите, не стѣсняясь. Панегириковъ не нужно. Все дѣло тутъ въ самомъ Сперанскомъ» (здесь и далее в цитатах из рукописей полужирным выделено мной. — Е. К.)².

Во втором — от 13 ноября 1861 г. — М. М. Достоевский уточняет:

«...говорятъ, что въ "Современникъ" статья о Сперанскомъ превосходная³. Какъ бы хорошо было, еслибъ и вы написали превосходную. Главное, старайтесь о слогахъ»⁴.

Из писем ясно, что фигура Сперанского интересовала братьев Достоевских, в журнале «Время» они планировали опубликовать критическую статью о Сперанском, без восторженного пафоса.

В рецензии «Жизнь графа Сперанского...» Владиславлев оценивал биографию Сперанского, написанную бароном Корфом, критически: в книге, по его мнению, нет беспристрастной оценки деятельности политика, разъяснения его идей и стремлений⁵. С точки зрения рецензента, Сперанский в течение жизни пытался лишь выслужиться:

«Надобно прочитатъ многія письма Сперанскаго, <...> чтобъ видѣть, что Сперанскій дѣйствительно былъ слугою лицъ, а не идей, и что онъ именно объ этомъ хотѣлъ дать знать тамъ, гдѣ считалъ это особенно для себя полезнымъ» (курсив мой. — Е. К.)⁶.

¹ Эту же книгу читал Л. Н. Толстой, разрабатывая образ Сперанского в романе «Война и мир». Толстой «обнаруживает и умозрительность проектов Сперанского, и в целом призрачность радения реформаторов об Отечестве». См.: [Кондратьев].

² ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 11. Л. 1.

³ Речь идет о статье Н. Г. Чернышевского «Русский реформатор. (Жизнь гр. Сперанского. Соч. барона М. Корфа. 2 т. СПб., 1861)» (Современник. 1861. № 10. Отд. II. С. 211–250).

⁴ ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 11. Л. 3.

⁵ [Владиславлевъ М. И.] [Рец. на:] Жизнь графа Сперанскаго. Два тома. Изд. императорской публичной библиотечки. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861 г. // Время. 1861. № 12. Отд. II. С. 122.

⁶ Там же. С. 125.

Не отрицая того, что Сперанский был выдающимся политическим деятелем своего времени, Владиславлев подчеркивает его оторванность от русских оснований:

«...онъ забылъ о русскихъ элементахъ, и введеніемъ французскихъ думаль оживить нашу государственную жизнь. Потому онъ былъ *дѣтель безъ почвы...*» (курсив мой. — Е. К.)⁷.

В противовес Сперанскому Владиславлев выводит фигуру Карамзина как автора «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811, опубл. 1861), в которой историограф сравнивал политическую жизнь древней и современной ему Российской империи, а также выражал общественное недовольство реформами Сперанского и предпринял попытку проанализировать причины, которые привели к современному Карамзину состоянию России. Карамзин критически, по мнению Владиславлева, осмыслял реформы Петра I, с одной стороны, открывшие русскому человеку европейскую культуру, с другой — оторвавшие его от культуры национальной.

По поводу рецензии на книгу о Сперанском старший брат писателя М. М. Достоевский писал ее автору 25 декабря 1861 г.:

«Статья о Сперанскомъ — превосходна⁸. И мнѣ и брату она чрезвычайно понравилась и мы печатаемъ её въ этой декабрьской книгѣ. <...> Мы Вами очень дорожимъ, а еще больше любимъ Васъ»⁹.

Впервые к анализу образа Сперанского в творчестве Достоевского обратилась А. В. Архипова, также указавшая на сложившееся в XIX столетии общественное восприятие этого государственного деятеля: с точки зрения исследовательницы, для романиста Сперанский был «примером <...> отвлеченного человека, утратившего свои корни и связи со своей национальной, народной сферой» [Архипова, 1997: 84]. Как отмечалось выше (см. с. 000), фигура государственного секретаря входила в круг размышлений Достоевского об александровской эпохе, которую писатель рассматривал как один из переломных моментов русской истории наряду с петровскими реформами.

Приведем интересующий нас отрывок из подготовительных материалов к роману Достоевского «Бесы»:

«Нечаевъ и Кармазиновъ.

{Карм<азиновъ>. Я не знаю почему ваши такъ на меня.}

⁷ [Владиславлевъ М. И.] [Рец. на:] Жизнь графа Сперанскаго. С. 159.

⁸ Слово подчеркнуто 4 линиями.

⁹ ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 11. Л. 11.

{Кар<мазиновъ>. Бога то ужъ я совсѣмъ не признаю.}

Руководящей великой идеи нѣтъ, Есть *au jour le jour*, всегда такъ было. Мы консерваторы — всего болѣе {еще нуще} нигилисты, мнѣ всегда такъ казалось. У васъ по крайней мѣрѣ энтузіазмъ — <...> Энтузіазмъ разстроенныхъ нервовъ. Всегда такъ было. Я приглядѣлся къ нашимъ консерваторамъ вообще {и вотъ результатъ}: Они только притворяются, что во что-то вѣруютъ и за что то стоятъ въ Россіи, а въ сущности мы<,> консерваторы<,> еще нуще нигилистовъ. <...> Когда это будетъ (т. е. — революція?)

{Кто: Сперанскій или Карамзинъ? Вопросъ долженъ именно въ томъ состоятъ кто передовой: Сперанск<ій> или Карамзинъ? А онъ на той же точкѣ стоитъ<,> только проситъ, чтобъ съ Карамзинымъ капельку попочтительнѣе. Такъ вѣдь это еще хуже нигилизма. Точно также и съ вѣрой. —}>¹⁰.

В 30-томном собрании сочинений Достоевского отмечено, что антитеза «Сперанский или Карамзин», вероятнее всего, навеяна работами А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I»¹¹ и Н. Н. Страхова «Вздыхъ на гробѣ Карамзина»¹² [Д30; т. 12: 363], но это не соответствует фактам. Запись, в которой появляется это противопоставление, находится среди набросков, где стоят авторские даты, относящиеся к началу июня 1870 г., в то время как статья Пыпина вышла в сентябрьской книжке «Вестника Европы» за 1870 г., а статья Страхова была опубликована в ноябрьском номере «Зари». Следовательно, антитеза «Кто: Сперанский или Карамзин?» появляется в размышлениях Достоевского до публикации этих работ и является результатом собственных размышлений писателя¹³.

Следуя этой логике, стоит задаться вопросом, в каком тематическом и идеологическом контексте возникают имена Карамзина и Сперанского у Достоевского: указанная нами хронология свидетельствует о необходимости рассмотрения более широкого свода высказываний писателя.

Остановимся на ключевых идеях Достоевского в приведенном отрывке.

Кармазинов, находясь на полюсе консерватизма, по своим же собственным словам, оказывается опаснее нигилистов (Нечаева). По замечанию Кармазинова (в этом черновике к «Бесам»), консерваторы думают о России, но не признают Бога, живут без «руководящей великой идеи» (то есть без основы, без нравственного ориентира) и «*au jour le jour*» (букв.: день за днем; здесь в знач.: одним днем, не задумываясь о будущем (*фр.*)), притворяясь, «что во что-то веруют и за что-то стоят в России». Конечно, в данном случае мысль высказана не автором, а героем, то есть с поправкой на характер,

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 17. См. также: [Д35; т. 11: 303].

¹¹ Пыпинъ А. Н. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. IV. Карамзинъ. Записка «о древней и новой Россіи» // Вѣстникъ Европы. 1870. Т. 5. № 9. С. 170–248.

¹² Страхов Н. Н. Вздыхъ на гробѣ Карамзина // Заря. 1870. № 10. Отд. II. С. 202–232.

¹³ Вместе с тем справедливо предположить, что полемика Пыпина и Страхова могла повлиять на дальнейшую работу Достоевского над романом «Бесы».

личность другого, вымышленного человека. Однако обсуждаемая тема, безусловно, была важна для писателя.

Мысль о притворной любви консерваторов к России следует рассматривать в русле критических суждений Достоевского 1860-х гг. о славянофилах. Например, в статье «Два лагеря теоретиков. (По поводу "Дня" и кой-чего другого)» (1862) содержалась следующая оценка:

«Славянофилы, принявъ за норму старый московскій идеальчикъ, *тоже заразъ* осудили въ русской жизни все что неукладывалось въ ихъ узкую рамку»¹⁴.

Славянофилы, по мнению писателя, приняв в качестве непререкаемого и неизменного идеала допетровскую Россию, не смогли понять современную им жизнь. Этот идеал, как замечал Достоевский, состоит «из панорамы Москвы с Воробьевых гор, из мечтательного представления московских бар половины семнадцатого столетия, из осады Казани и Лавры и из прочих панорам, *представленных во французском вкусе Карамзиным*» (курсив мой. — Е. К.) [Д30; т. 19: 60]. Из этого суждения следует, что в начале 1860-х гг. взгляд Карамзина на русскую жизнь понимался Достоевским как европейский: это в контексте почвеннических убеждений последнего имеет скорее отрицательное значение (европейский как западнический, то есть ненациональный). Подчеркнем, что в данном случае актуализируется вопрос о восприятии Достоевским Карамзина-историка, а не Карамзина-писателя (последний аспект вызывал более интенсивное исследовательское внимание, см. выше, с. 000).

О своем интересе к славянофильским трудам Достоевский сообщал в письме старшему брату М. М. Достоевскому от 8 (20) сентября 1863 г. Писатель отмечал, что открыл для себя «*кой что <...> новое*»¹⁵. Спустя десять дней, 18 (30) сентября, Достоевский в письме Страхову уточнил свое суждение:

«Славянофилы разумѣется сказали *новое слово* <...>. Но какая-то удивительная *аристократическая*¹⁶ *сытость*, при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ»¹⁷.

Здесь вновь подчеркивается мысль о важном вкладе славянофилов в русскую культуру, но вместе с тем высказан упрек в отсутствии у них понимания современной действительности.

Еще в 1830–1840-е гг. имя Карамзина оказалось в центре внимания публицистов и историков в связи со спорами о его историческом труде. Полемика, начало которой задано критическим отзывом В. Г. Белинского

¹⁴ [Достоевскій Ѳ. М.] Два лагеря теоретиковъ. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // Время. 1862. № 2. Отд. II. С. 144.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 93.1.6.14. Л. 24. См. также: [Д30; т. 28, кн. 2: 46].

¹⁶ Далее зачеркнуто: *сытость*

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 3 об. См. также: [Д30; т. 28, кн. 2: 53].

в статье «Литературные мечтания» (1834), «осложнялась спорами "западников" и "славянофилов"» [Туниманов: 167]. Вероятно, именно эти обстоятельства определили тот факт, что в сознании Достоевского философия славянофилов связывалась с именем Карамзина, это соответствовало общей тенденции 1840-х гг.

В отношении дискуссии славянофилов и западников писатель занял «антиславянофильскую позицию», рассматривая их как теоретиков и упрекая в «антикварном восприятии прошлого» [Туниманов: 169]. Если подчеркнуто критическое осмысление славянофильства остается неизменным для Достоевского и в 1860-е гг., то представления о наследии Карамзина коренным образом меняются после прочтения в Берлине во время первого заграничного путешествия в 1862 г. «Записки о древней и новой России...» [Архипова, 1983: 103]. Для Достоевского, по мысли А. В. Архиповой, важны положения Карамзина об антинациональном характере петровских реформ, искусственности новой столицы — Петербурга — и, как следствие, оторванности русского образованного слоя от традиции [Архипова, 1983: 105–106]. Славянофилы и Карамзин в восприятии Достоевского связаны с размышлениями о русской национальной идентичности.

«Записка о древней и новой России...» в историософском плане рассматривается исследователями как «первое <...> обоснование "особости" России», а в политическом — как «манифест русского консерватизма» [Анненкова: 194]. Само название этого программного сочинения, по мнению Е. И. Анненковой, на первый план выдвигает коллизию: распадение «древнего» и «нового» начал в русской истории как возможную и опасную перспективу [Анненкова: 196]. Петровские преобразования свидетельствовали, что «тотальное обновление жизни, навязанное нации, предполагает <...> принятие чужого, пусть даже близкого (каковым всегда была для России западноевропейская культура), но <...> уничтожающего свое» [Анненкова: 197]. Однако Карамзин в своем труде настаивал на диалектике отношений старого и нового, утверждал «равноценность для общественного самосознания внимания к прошлому и к современности» [Анненкова: 195–196]. Такое видение «предвосхищает славянофильский поиск в отечественной истории цельности "земли Русской" <...>, цельности и российского государства, общинно и соборно соединяющего и многочисленные территории, и многообразные исторические фигуры» [Анненкова: 196].

Чтение писателем «Записки о древней и новой России...» вызвало в начале 1860-х гг. углубленный интерес Достоевского к трудам славянофилов, о котором сам писатель сообщает в упомянутых выше письмах к М. М. Достоевскому и Страхову.

В записи от 22 марта <1874 г.> в рабочей тетради с черновыми набросками к роману «Подросток» Достоевский вновь ставит славянофилов в один ряд с Карамзиным:

«Я не могъ оторваться и всѣ крики критиковъ [не разубѣдили] что я изображаю не настоящую жизнь не разубѣдили меня. **Нѣтъ основаній нашему обществу**, не выжито правилъ, потому что и жизни не было. <...> И не внѣшне лишь, какъ на Западѣ, а **внутренно, нравственно**. <...> Толстой, Гончаровъ, думали что изображали жизнь большинства: по моему они-то и изображали жизнь исключеній: {Напротивъ ихъ жизнь есть жизнь исключеній, **а моя есть жизнь общаго правила**.}

{Въ этомъ убѣдятся будущія поколѣнія которыя будутъ безпристрастнѣе, правда будетъ за мною. Я вѣрю въ это}

{Изъ этого то (гражданскаго) чувства я **передался было къ Славянофиламъ, думая воскресить мечты дѣтства** (читалъ Карамзина, образы Сергія, Тихона)}

Говорили что я изображалъ громъ настоящій, дождь настоящій какъ на сценѣ. Гдѣ же? Неужели Раскольниковъ, Ст. Трофимовичъ (главные герои моихъ романовъ) подаютъ къ этому толки?»¹⁸.

Достоевский возражает упрекам критиков по поводу фантастичности изображаемого в его романах. Писатель подчеркивает, что его герои наиболее точно воплотили в себе жизнь без основ, без почвы, в отличие от героев-«исключений» Толстого и Гончарова. Далее Достоевский добавляет, что обратился к идеям славянофилов, «думая воскресить мечты детства», которые ассоциировались с трудами Карамзина и духовных наставников — преподобного Сергия Радонежского и святителя Тихона Задонского.

Таким образом, славянофилы в представлении Достоевского рубежа 1860–1870-х гг. оказываются связанными с Карамзиным и фигурой духовного наставника¹⁹. Знаменательным в этом случае становится и упоминание о мечтах: применительно к оценкам, данным Достоевским славянофильскому учению, «мечтательство» стоит рядом с еще одним, уже открыто негативно окрашенным понятием — теоретизированием, то есть с тем, что в реальности невыполнимо. Скептицизм по отношению к славянофилам объясняется тем, что они, по мнению романиста, пытаются претворить в жизнь «допетровский идеал» без глубокого понимания народа и современности.

Вместе с тем отмечено, что в 1870-е гг. отношение Достоевского к славянофилам постепенно меняется в сторону сближения: с этой точки зрения, показательными являются статья «Признания славянофила» в «Дневнике писателя» 1877 г.²⁰, черновой набросок «— Пушкинъ — этотъ главный

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 212.1.11. С. 147.

¹⁹ О теме духовного наставничества применительно к роману «Бесы» см.: [Саису].

²⁰ На наш взгляд, относительно 1870-х гг. следовало бы говорить о переосмыслении славянофильских идей в творчестве Достоевского. В первом предложении статьи 1877 г.

*Славянофиль Россіи»*²¹ и письмо Н. Н. Страхову от 23 апреля (5 мая) 1871 г. о Пушкине и славянофилах, где, в частности, говорится о том, что поэт «раньше встѣхъ славянофиловъ высказываетъ всю ихъ сущность и, мало того, — высказываетъ это несравненно глубже чѣмъ всѣ они до сихъ поръ»²² (см. также: [Д30; т. 29, кн. 1: 207]). Пушкинская тема, как известно, широко представлена и в черновых материалах, и в печатном тексте романа «Бесы» в дискуссиях героев об эстетических и историософских вопросах (ср.: «Славянофилы — барская затея. Их мнение о Пушкине (бедность русской литературы)» [Д35; т. 11: 149], «Говорят теперь про Пушкина и про сапоги?» [Д35; т. 11: 314]; см. также: [Д35; т. 10: 23], [Д30; т. 12: 284, 331]).

«Кто: Сперанскій или Карамзинъ? Вопросъ долженъ именно въ томъ состоятъ кто передовой: Сперанск<ій> или Карамзинъ?». В сущности, это главный вопрос, организующий смысловые акценты: «кто передовой»? Важно подчеркнуть: ранее исследователями не было отмечено, что анти-теза «Сперанский или Карамзин?» появляется в записи, в заглавие которой вынесена еще одна диада: «Нечаев и Кармазинов». Из этого следует, что в данном контексте появляется возможность другой параллели: Нечаев/Сперанский и Кармазинов/Карамзин, — в результате чего Достоевский ставит этот проблемный вопрос. В черновике к «Бесам» Кармазинов, называясь консерватором и говоря: «Бога-то уж я совсем не признаю», сравнивает себя с нигилистами, но уточняет: «У вас по крайней мере энтузиазм. <...> *Энтузиазм расстроенных нервов*». Нигилисты (Нечаев) также не верят в Бога, но руководящая идея у них есть: «Когда это будет (т. е. — революция?)». В записях к роману «Бесы» от 13 мая 1871 г. в словах Нечаева четко прослеживается эта идея и ее первопричина:

*«Петръ Велик<ій> насъ [отъ] упразднилъ отъ дѣль, и потому мы прямо за великую свѣтлую мысль разрушенія. Мы послѣдствіе Петра Великаго»*²³;

и далее:

Достоевский подчеркивает, что это заметки славянофила, «да не того», продолжая: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, *хотя, может быть, и не вполне славянофил*» (курсив мой. — Е. К.) [Д30; т. 25: 195]. Далее писатель указывает на определившиеся в русском образованном обществе различные точки зрения в отношении славянофильства и выделяет главное: «...славянофильство <...> заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» [Д30; т. 25: 195]. А. Л. Осповат заметил, что толкование Достоевским славянофильских идей отличается от понимания этих идей самими славянофилами. Вместе с тем почвенничество приобретает определенность, по мнению исследователя, именно с опорой на славянофилов [Осповат: 147].

²¹ РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 125.

²² РО ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 43. См. также: [Июдин: 268–269].

²³ ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 102. См. также: [Д35; т. 11: 476].

«Нечаевъ поправляетъ — разрушеніе для разрушенія, а тамъ что угодно»²⁴.

Деятельность Сперанского осмысливается романистом подчеркнуто скептически²⁵. Например, в записи от 7 августа 1875 г. имя политика стоит в ряду не просто либералов и западников, но тех, кого писатель определял как теоретиков:

«— Вся интеллигенція Россіи, съ Петра Великаго начиная, не участвовала въ прямыхъ и текущихъ интересахъ Россіи, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую (Алек<сандръ> І. Мордвиновы, Сперанскіе, Декабристы<,> Герцены, Бьлинскіе и Чернышевскіе и вся современная дрянъ. —»²⁶.

Среди записей к «Дневнику писателя» за 1876 г. есть фраза, в которой о Сперанском говорится в контексте темы семинаризма:

«Онъ образованъ, но въ своемъ университетъ (въ Духовной Академіи). По образованію [протъдетъ] протъденъ самолюбіемъ и естественною ненавистью къ другимъ сословіямъ, которыя хотѣлъ-бы раздробить за то что они не похожи на него. Въ жизни гражданской онъ многого внутренне, жизненно не понимаетъ, потому что въ жизни этой ни онъ, ни гнѣздо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще [пр] понимаетъ криво, лишь умственно, и главное отвлеченно. Сперанскому ничего не стоило проектировать созданіе у насъ сословій, [ло] {по} примѣру англійскому, лордовъ и буржуазію и проч. Съ уничтоженіемъ помѣщиковъ семинаристъ мигомъ у насъ воцарился и надѣлъ<аль> много вреда отвлеченнымъ пониманіемъ и толкованіемъ вещей и текущаго»²⁷.

Вспомним, во-первых, что сходным образом о Сперанском позднее писал Ключевский (см. выше, с. 000). Во-вторых, немаловажным представляется тот факт, что фигура Сперанского попадает в тематический контекст, связанный с характеристикой семинаризма (Сперанский происходил из духовного сословия, что неоднократно отмечалось в публикациях, ему посвященных). В рукописях Достоевского есть много высказываний о семинаристах, и «эти оценки позволяют определить тот смысловой контекст, в котором существует понятие "семинаризм": оно ассоциируется с нигилизмом, атеизмом, отсутствием гражданского долга, отвлеченностью (теоретизмом)

²⁴ ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 103. См. также: [Д35; т. 11: 477].

²⁵ Отметим, что в начале 1860-х гг. Достоевский умеренно высказывался по отношению к Сперанскому и Петру І: «Разве умные люди не могут ошибаться? Да гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей, и часто чем гениальнее они, тем и крупнее ошибаются. <...> Возьмите людей исторических: ну, Петра Великого, например, или помельче, возьмем хоть Сперанского... Разве они не ошибались и в то же время не имели благороднейшей цели — счастья отечества?» [Д30; т. 20: 74].

²⁶ РГАЛИ. Ф. 212.1.11. С. 173.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 268. См. также: [Д30; т. 20: 74; т. 24: 478–479].

суждений, разобщенностью с народом — темами многих художественных и публицистических произведений Достоевского» [Тарасова: 63] (см. подробнее: [Тарасова: 61–64]).

Достаточно обширный контекст историософских размышлений Достоевского, который раскрывает черновая запись к роману «Бесы», свидетельствует о том, что в сознании автора имена Сперанского и Карамзина находятся рядом, но теперь, будучи связанными с содержанием полемики славянофилов и западников, *идеологизируются, получая новый смысл*. Сперанский и Карамзин — знаковые имена в размышлениях Достоевского о двух возможных путях в дальнейшем развитии России. В круг идей Достоевского входил опыт карамзинских исканий, занявший свое немаловажное место во взглядах писателя на историю России в целом, на современные религиозно-философские и общественно-политические направления. В «Записке о древней и новой России...» Карамзин акцентировал внимание на *диалектике* старого и нового. Однако мысль о равноценности того и другого для исторического движения России не укоренилась в общественном самосознании последующих десятилетий. Если славянофилы («консерваторы»), с точки зрения Достоевского, утверждая допетровский идеал, являлись по отношению к современной России лишь отвлеченными мечтателями, то западники («нигилисты») продолжали дело Петра I — разрушение традиционных основ.

В 1870-е гг. у романиста складывалось более глубокое понимание славянофильских идей и историософии Карамзина. «Мечтательность» славянофилов преодолевалась у Достоевского карамзинской мыслью о диалектической связи старого и нового. Эти идеи романиста претворятся в известной формуле о *всемирности, всечеловечности, всепонимании и всеотклике*. Этими качествами, по мнению Достоевского, обладал Пушкин — ключевое имя в разрешении дилеммы о духовном и историческом пути России. В статье «Свисток» и «Русский вестник» (1861) писатель подчеркивал:

«Это-то и есть, можетъ быть главнѣйшая особенность *русской мысли* <...> и въ Пушкинѣ она выразилась слишкомъ законченно, слишкомъ цѣльно, чтобъ ей не повѣрить»²⁸.

Черновая запись к роману «Бесы» свидетельствует о новом и принципиально важном аспекте размышлений Достоевского о прошлом, настоящем и будущем России, в какой-то мере предвосхищая идеи «Пушкинской речи».

²⁸ [Достоевскій Ѳ. М.] «Свистокъ» и «Русскій Вѣстникъ» // Время. 1861. № 3. Отд. IV. С. 82.

Список литературы

1. [Алексеева Л. В.] Редакционный архив журналов Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: коллективная монография / отв. ред. и сост. Л. В. Алексеева. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petsu.ru/monographs/RedArkhibVremya_i_Epokha.pdf (14.04.2025). EDN: QSKJJG
2. Алпатова Т. А. Повествовательные принципы Н. М. Карамзина в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Отечественная филология. 2021. № 3. С. 65–72 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/208/208> (14.04.2025). DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72
3. Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012. 750 с.
4. Архипова А. В. Достоевский и Карамзин // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. Т. 5. С. 101–112.
5. Архипова А. В. «Александровская эпоха» в интерпретации Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 77–87.
6. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Письма: в 4 т. / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. Т. 2: 1867–1871. 619 с.
7. Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 397 с. (Сер.: Историко-литературные мемуары.)
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2022–. Т. 1–11. [Д35]
10. Жиякова Э. М. О жанровом своеобразии «Зимних заметок о летних впечатлениях» (Достоевский и Карамзин) // Проблемы литературных жанров: мат-лы четвертой науч. межвуз. конф. (Томск, 28 сент. — 1 окт. 1982 г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С. 73–74. EDN: XVPKIJ
11. Ивинский Д. П. Роман Достоевского «Идиот» и альманах Карамзина «Аглая» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 161–184 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2018-3-INT-163-186.pdf (14.04.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-3-161-184. EDN: VUZQMV
12. Исупов К. Г. Читатель и автор в текстах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 3–22 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/ialy/%D0%A2_16/01_%D0%98%D1%81%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2_3.pdf (14.04.2025). EDN: XQBYSD
13. Июдин Д. А. Почему Достоевский назвал Пушкина «главным Славянофилом России»? // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 4. С. 258–273 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1734437461.pdf (14.04.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701. EDN: XPRPLJ
14. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. 476 с.
15. Кондратьев А. С. Сперанский Михаил Михайлович // Л. Н. Толстой. Энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009. С. 568.
16. Новикова Е. Г. «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста»: Н. М. Карамзин и Ф. М. Достоевский о картине Ганса Гольбейна-мл. «Христос в могиле» // Достоевский и современность: мат-лы XXI Междунар. старорусских чтений 2006 года. Великий Новгород: Новгород. гос. объединен. музей-заповедник, 2007. С. 211–216. EDN: YGHNJL

17. Осповат А. Л. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 144–150.
18. Померанцев И. Достоевский и литература путешествий // Russian Literature. 2000. January. Vol. 47. Issue 1. P. 93–109 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304347900800563?via%3Dihub> (14.04.2025). DOI: 10.1016/S0304-3479(00)80056-3
19. Попова Ю. А. Парадоксы авторского сознания в публицистике Н. М. Карамзина и «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. № 150. С. 61–65 [Электронный ресурс]. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/150/popova_150_61_65.pdf (14.04.2025). EDN: OZQFLN
20. Саису Н. Ф. М. Достоевский и К. Е. Голубов // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 214–222 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1672387551.pdf (14.04.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6483. EDN: IUNQLE
21. Соловьев А. Ю. «Наивный путешественник» у Н. М. Карамзина и Ф. М. Достоевского // Карамзин-писатель: коллективная монография. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 275–290. EDN: YARYTB
22. Спасович В. Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. 1890. Кн. 1. С. 51–82 (2-я пагин.) [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB20000407?page=281&rotate=0&theme=white (14.04.2025).
23. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М.: Квадрига: МБА, 2011. 391 с.
24. Туниманов В. А. Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф. М. Достоевского // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: избр. ст. / отв. ред. С. Н. Гуськов. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 165–177.
25. Чичерин А. В. Ранние предшественники Достоевского // Чичерин А. В. Ритм образа: стилистические проблемы. М.: Советский писатель, 1989. С. 107–126.
26. Arndt Ch. H. Dostoevsky's Engagement of Russian Intellectuals in the Question of Russia and Europe: From "Winter Notes on Summer Impressions" to "The Devils". PhD. philos. sci. diss. Providence (USA): Brown University, 2004. 195 p. (In English)

References

1. Alekseeva L. V. *Redaktsionnyy arkhiv zhurnalov F. M. i M. M. Dostoevskikh "Vremya" i "Epokha"* [The Editorial Archive of the Journals of F. M. and M. M. Dostoevsky "Vremya" and "Epokha"]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 560 p. Available at: https://philolog.petrsu.ru/monographs/RedArkhirVremya_i_Epokha.pdf (accessed on April 14, 2025). EDN: QSKJGG (In Russ.)
2. Alpatova T. A. Narrative Principles of N. Karamzin in the Artistic Structure of F. Dostoevsky's "Poor Folk". In: *Otechestvennaya filologiya* [Russian Studies in Philology], 2021, no. 3, pp. 65–72. Available at: <https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/208/208> (accessed on April 14, 2025). DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72 (In Russ.)
3. Annenkova E. I. *Gogol' i russkoe obshchestvo* [Gogol and the Russian Society]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 750 p. (In Russ.)
4. Arkhipova A. V. Dostoevsky and Karamzin. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 101–112. (In Russ.)

5. Arkhipova A. V. "The Alexander Era" in Interpretation of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 77–87. (In Russ.)
6. Dolinin A. S. F. M. *Dostoevskiy. Pis'ma: v 4 tomakh* [F. M. Dostoevsky. Letters: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, vol. 2: 1867–1871. 619 p. (In Russ.)
7. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 397 p. (Ser.: Historical and Literary Memoirs.) (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11. (In Russ.)
10. Zhilyakova E. M. On the Genre Originality of "Winter Notes on Summer Impressions" (Dostoevsky and Karamzin). In: *Problemy literaturnykh zhanrov: materialy chetvertoy nauchnoy mezhvuzovskoy konferentsii* (Tomsk, 28 sentyabrya — 1 oktyabrya 1982 g.) [Problems of Literary Genres: Materials of the Fourth Scientific Interuniversity Conference (Tomsk, September 28 — October 01, 1982)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1983, pp. 73–74. EDN: XVPKLJ (In Russ.)
11. Ivinskiy D. P. Dostoevsky's Novel "Idiot" and the Almanac of Karamzin "Aglaya". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2018, no. 3, pp. 161–184. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2018-3-INT-163-186.pdf (accessed on April 14, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-3-161-184. EDN: VUZQMV (In Russ.)
12. Isupov K. G. Reader and Author in Dostoevsky's Texts. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 16, pp. 3–22. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/y/%D0%A2_16/01_%D0%98%D1%81%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2_3.pdf (accessed on April 14, 2025). EDN: XQBYSD (In Russ.)
13. Iudin D. A. Why Did Dostoevsky Name Pushkin "the Main Slavophile of Russia"? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2024, vol. 11, no. 4, pp. 258–273. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1734437461.pdf (accessed on April 14, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701. EDN: XPRPLJ (In Russ.)
14. Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya: v 9 tomakh* [Works: in 9 Vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 5, part 5. 476 p. (In Russ.)
15. Kondrat'ev A. S. Speransky Mikhail Mikhailovich. In: *L. N. Tolstoy. Entsiklopediya* [L. N. Tolstoy. Encyclopedia]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2009, p. 568. (In Russ.)
16. Novikova E. G. "The Picture Represented Christ Just Taken Down from the Cross": N. M. Karamzin and F. M. Dostoevsky About the Picture by Hanse Holbein "Christ in the Grave". In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XXI Mezhdunarodnykh starorusskikh chteniy 2006 goda* [Dostoevsky and Modern Age: Materials of the 21st International Old Russian Readings of 2006]. Novgorod the Great, Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik Publ., 2007, pp. 211–216. EDN: YGHHJL (In Russ.)
17. Ospovat A. L. To the Study of Pochvennichestvo (Dostoevsky and Ap. Grigoriev). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 3, pp. 144–150. (In Russ.)
18. Pomerantsev I. Dostoevsky and the Literature of Travel. In: *Russian Literature*, 2000, January, vol. 47, issue 1, pp. 93–109. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304347900800563?via%3Dihub> (accessed on April 14, 2025). DOI: 10.1016/S0304-3479(00)80056-3 (In Russ.)

19. Popova Yu. A. Paradoxes of Author's Consciousness in the Political Essays of N. M. Karamzin and in "A Writer's Diary" of F. M. Dostoevsky. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [*Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2012, no. 150, pp. 61–65. Available at: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/150/popova_150_61_65.pdf (accessed on April 14, 2025). EDN: OZQFLN (In Russ.)
20. Saisu N. F. M. Dostoevsky and K. E. Golubov. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2022, vol. 9, no. 4, pp. 214–222. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1672387551.pdf (accessed on April 14, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6483. EDN: IUNQLE (In Russ.)
21. Solov'yov A. Yu. "Naive Traveler" by N. M. Karamzin and F. M. Dostoevsky. In: *Karamzin-pisatel'* [*Karamzin-Writer*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2018, pp. 275–290. EDN: YARYTB (In Russ.)
22. Spasovich V. D. Prince Peter Andreevich Vyazemsky and His Polish Relations and Acquaintances. In: *Russkaya mysl'*, 1890, book 1, pp. 51–82. Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB20000407?page=281&rotate=0&theme=white (accessed on April 14, 2025). (In Russ.)
23. Tarasova N. A. "Dnevnik pisatelya" F. M. Dostoevskogo (1876–1877): kritika teksta [*"A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky (1876–1877): Textual Criticism*]. Moscow, Kvadriga Publ., MBA Publ., 2011. 391 p. (In Russ.)
24. Tunimanov V. A. Echoes of the Ninth Volume of "History of the Russian State" in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Tunimanov V. A. Labirint stsepleniy: izbrannye stat'i* [*Tunimanov V. A. Coupling Labyrinth: Selected Articles*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2013, pp. 165–177. (In Russ.)
25. Chicherin A. V. Early Predecessors of Dostoevsky. In: *Chicherin A. V. Ritm obraza: stilisticheskie problemy* [*Chicherin A. V. Rhythm of the Image: Stylistic Problems*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1989, pp. 107–126. (In Russ.)
26. Arndt Ch. H. *Dostoevsky's Engagement of Russian Intellectuals in the Question of Russia and Europe: From "Winter Notes on Summer Impressions" to "The Devils"*. PhD. philos. sci. diss. Providence (USA), Brown University Publ., 2004. 195 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кудрявцева Елена Михайловна, младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7952-196X>; e-mail: lkandk68@gmail.com.

Elena M. Kudryavtseva, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7952-196X>; e-mail: lkandk68@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.05.2025

Принята к публикации / Accepted 20.05.2025

Дата публикации / Date of publication 01.07.2025